

СИСТЕМА ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В РЕЧЕВОМ ЖАНРЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ

Anna Klimčuková (Prešov)

В российской лингвистике существует мнение, что наряду с такими важнейшими функциональными стилями литературного языка, как общо-разговорный, документально-деловой, художественный, научный или публицистический, можно выделить и духовный функциональный стиль (стиль религиозных произведений и речи) (Волков 1996, 314).

В славянской стилистике вопрос существования духовного стиля затрагивает Й. Мистрик. Он говорит о религиозном стиле, относя его к субъективным стилям и подчеркивая его близость к художественному и ораторскому стилям. Словацкий исследователь в статье «Религиозный стиль» (Mistrík 1992) приводит стилеобразующие факторы, которые определяют форму религиозных высказываний, а именно:

- 1) книжный, риторичный фактор, наблюдаемый не только в библейских текстах, но и в гомилетике, в литургии и в музыкальном сопровождении;
- 2) мелодраматическое чтение обрядных текстов;
- 3) диалогичность – молитва сама по себе является разговором человека с Богом; в рамках обряда это диалог священника с Богом или с верующими;
- 4) применение внеязыковых средств выражения;
- 5) предмет богослужения;
- 6) эстетический момент в религиозном акте (Mistrík 1992, 83).

В числе стилистических средств типичных для религиозного языка приводятся специальная лексика (огромное множество калек, междометий, частиц, имен числительных) и грамматические средства – морфологические и синтаксические: наличие вокативных и императивных форм, преобладание превосходной степени, модальность, вопросительно-ответные конструкции и т. д. Религиозный стиль в понимании Мистрика характеризуется гимничностью, эмоциональностью, пафосом и помпезностью (Mistrík 1992, 82).

Несмотря на то, что религиозный стиль является по Мистрику стилем *sui generis*, он, тем не менее, представляет собой малоизученный стиль, не имеющий четкого лингвистического описания. Решением данной проблемы занимается и словацкий исследователь Л. Бенедикова. В статье «Символика и виды религиозных фразем. Русско-словацкий аспект» автор обращает внимание на язык религиозных текстов и коммуникации, считая его особым функциональным стилем за счет использования специфических жанровых, тематических и языковых средств. «Его исследование является актуальной задачей славистической лингвистики» (цит. по рукописи Л. Бенедиковой).

Польский лингвист М. Войтак в статье «Проявление стандартизации в высказываниях религиозного стиля (на материале литургической молитвы)» подчеркивает трудности, встречающиеся при разработке данной темы: «Не будет преувеличением сказать, что она невыполнима в рамках одной научной дисциплины. Отдельная дисциплина, независимо от степени точности своего исследовательского инструментария, может только приблизиться к феномену, определяемому как религиозный язык, сакральный язык, язык сакрума, религиозный дискурс, религиозный стиль, религиозное употребление языка и т. д.» (Войтак 1998, 214).

Приблизиться к «феномену религиозный язык» возможно в случае учета одной из смежных дисциплин, а именно современной риторики. Ю. В. Рождественский подчеркивает, что «объектом современной риторики является не только устная речь, а все виды речи, каждый вид в отдельности и все они вместе» (Рождественский 1997).

Данные о видах речи риторика заимствует из стилистики, ведущей частью которой является теория словестности. В соответствии с теорией словестности, современный развитый язык включает следующие виды деятельности: устную речь, письменную речь, смешанную речь. Проповедь относится к устной публичной речи и является речевым жанром, т. е. классом вербальных текстов, выделяемых на основе общности структуры, пределов вариативности и использования в однотипных коммуникативных текстах.

На первый взгляд, церковную проповедь формально трудно отличить от других разновидностей устной публичной речи, поскольку любая публичная речь характеризуется определенными взаимоотношениями говорящего, который преследует своим выступлением ряд конкретных намерений, и слушающей его публики. Всякое публичное выступление строится по определенному плану, подразумевающему использование разнообразных риторических приемов. Тем не менее, глубже рассматри-

вая русскую православную проповедь, мы обнаруживаем ряд специфических черт, позволяющих выделить ее как совершенно особый речевой жанр в рамках ораторского искусства вообще.

Специфические черты речевого жанра проповеди особенно выразительно обнаруживаются в системе экстралингвистических факторов, которые, наряду с целью речи, обуславливают его существование. Мистрик приводит такие факторы, как «музыка или кинетические, ольфакторические элементы, а также звоны, святые иконы, кадило, ритуальная чаша (лотир), крест, вино, пепел, колокольни, облик христианского храма и т. д.» (Mistrík 1991, 173). На наш взгляд необходимо рассмотреть 1) предмет речи, проповеди, 2) роль адресанта и адресата в процессе проповеди, 3) форму общения, 4) авторитет священника, его талант, умение быть успешным проповедником.

1. Предмет речи

Христианская проповедь так или иначе связана с текстом Библии. Предметом речи проповедника может быть библейская цитата, церковный праздник, историческое или общественное событие, комментируемое им в том или ином аспекте. «Язык проповеди связан с историей и обстоятельствами бытия каждой из поместных церквей. Ныне православие использует вариант церковнославянского языка, приближенный к разговорной и литературной русской речи» (История религии 1997, 197). Поэтому такие выражения как, *мощи, благоуханные, благоверные, страстотерпцы, великий* не являются редкостью в языке современных проповедников.

2. Адресант (отправитель) и адресат (получатель) речи

Священник является адресантом речи, а его прихожане – адресатом. Главным признаком, характеризующим проповедника как оратора и отличающим его от любого иного светского оратора является то, что он обращается к людям не от своего имени, а проповедует Слово Божие. В лице каждого проповедника таится определенная двойственность: с одной стороны, он наделен особыми полномочиями – доносить Слово Божие до своих прихожан, с другой же стороны, он выступает в этом процессе только посредником, исполнителем. Требуя послушания от своих слушателей, священник делает это не от своего имени, а от имени того, кто доверил ему свое послание: от имени Бога.

Положение проповедника особенно отчетливо проявляется в использовании им личных местоимений – *мы, вы*. Приведем примеры из сборника «Проповеди московских священников»:

«Поздравляю *вас* с праздником Сретения Господня и с Воскресением Господним! Вот видите, сегодня два больших праздника совпали и как бы усилили друг друга. Еще недавно *мы* праздновали великий праздник Рождества Христова, а сегодня *мы* вспоминаем и празднуем другое великое событие: когда на 40-й день Матерь Божия принесла Богомладенца Спасителя нашего Иисуса Христа во храм посвятить его Господу так как полагалось это делать каждому правоверному иудею таким образом, на Господе нашем исполнялся закон Моисеев».¹

«Вот *мы* с вами подходим к Великому посту, времени особому, времени значащему очень многое: это для души то же, что для тела баня. Очищение тела *мы* производим постоянно и без этого жить не можем, и оздоровление тела требуется нам постоянно, поэтому *мы* и находимся сейчас в лечебнице этой. ... Где *вы* были раньше, о чем *вы* думали, почему *вы* пришли к покаянию тогда, когда грянул гром? И вот завтра или послезавтра идти вам на тяжелейшую операцию. А может быть, операция и день будет последними для вас в жизни земной и *вы* будете призваны Господом в жизнь иную».²

В первом образце проповеди – слово, написанное Иеромонахом Анатолием (Берестовым) под названием «Слово в день праздника Сретения Господня» – прослеживается факт участия священника в духовной жизни каждого прихожана. Проповедник выступает как часть слушателей таким образом, что в стиле проповеди активно употребляет формы 1-го, 2-го лица множественного числа.

Как известно, глагольные формы 2-го лица выражают «отнесенность действия к собеседнику» (Русская грамматика 1982, 636), а местоимения 2-го лица употребляются при обозначении адресата речи. Для проповеди характерно употребление местоименных и индикативных глагольных форм 2-го лица множественного числа, которые указывают на наличие второго участника коммуникации и коллективный характер адресата.

Высказывания типа: *вот видите, вы знаете, о чем вы думали*, направлены на активизацию слушателей, вовлекая их в активное восприятие слова пастыря: «и вы сегодня дорогие, слышали как святое Евангелие нарисовало нам ужасную картину страшных мучений, страданий и смерти Богочеловека, который за нас с вами принял все эти страшные страдания и муки».³

Таким образом, глагольные и местоименные формы 2-го лица множественного числа используются в проповеди для обозначения наличия

¹ Проповеди Московских священников: – М.: Трифонов Печенгский монастырь; «Новая книга»; «Ковчег», 2000. С. 172.

² Там же. С. 176.

³ Там же. С. 174.

реального адресата, его количественных параметров (множественности) и степени его активности в процессе проповедывания.

Проповедник не мыслит себя непосредственным автором своей речи, в его задачи не входит создание нового произведения. Его целью является донести до слушателей вечные истины. Тем не менее, священнику в процессе подготовки речи не может быть достаточно одно лишь божественное вдохновение. Так как он должен проповедовать и истолковывать Слово Божие, ему (как и светскому оратору) приходится руководствоваться определенными правилами составления речей. Вследствие этого проповедник должен быть знаком с разделами классической риторики:

- 1) нахождение материала (*inventio*) – систематизация содержания и используемых в них доказательств;
- 2) расположение материала (*dispositio*) – его композиция;
- 3) словесное выражение (*elocutio*) – учение об отборе слов, о тропах, фигурах мысли и фигурах слова;
- 4) запоминание материала (*memoria*) – учение о профессиональной ораторской памяти;
- 5) произнесение (*pronuntiatio*) – учение об интонации, мимике, жестах, способствующих успеху речи.

В помощь священнику имеются специальные руководства, содержащие вспомогательные средства и указания по составлению проповедей. Неотъемлемым требованием, предъявляющимся к проповеднику и присутствующим во всех учениях о проповеди, является молитва, которая предшествует богослужению, что еще раз свидетельствует о факте, что священнослужитель прежде всего должен обращаться к Богу, а затем – от его имени – к своим прихожанам.

Проповедь является его долгом, обязанностью. Для светского оратора подобная иерархия абсолютно несущественна. Если светский оратор в основном свободен в своем выборе – выступать или не выступать с речью, то священник должен проповедовать всегда, так как ему непроизвольно молчать.

Адресатом речи священника являются его прихожане. Аудитория представляет собой определенное сообщество, которое характеризуется:

- 1) Свойствами всего общества в целом в виде знаний, норм, приемов деятельности, мировоззрения, иерархической организации и т. д.
- 2) Своими особыми ценностями, целями и интересами, выделяющими ее из всего общества и объединяющими их в отдельное целое.

- 3) Внутренним общением и организацией, которые связаны с речью, обращенной к ней и развертывающейся в ее пределах.
- 4) Отношением ко всему обществу как части к целому, которое определяется собственными целями и ценностями аудитории.⁴

Характер аудитории верующих и характер светской аудитории значительно отличаются друг от друга. Светская речь, например, парламентская, часто подразумевает и допускает различные формы вербального и невербального вмешательства со стороны слушающих, а именно – аплодисменты, обращения, возгласы, знаки одобрения или неодобрения и др.

«Современная церковная проповедь требует тишины и внимающего молчания» (Рождественский 1997, 305).

Проповедник должен, согласно учению о проповеди, ориентироваться на своих слушателей: учитывать их возраст, уровень образованности и духовности, а также время и место проповеди. Его девизом по отношению к слушателям должны стать слова апостола Павла – «стать всем для всех». Учитывая общую целеустановку проповеди, священник должен адекватно использовать лексические, стилистические и риторические средства языка, чтобы добиться у слушателей внимания и понимания.

Аудитория, присутствующая на проповеди, формируется сама, добровольно. В России проповеднику приходится считаться с неоднородностью присутствующей на проповеди аудитории: здесь присутствуют как давно верующие, так и те, кто крещен, но сомневается в смысле веры в Бога, а также неверующие. Отношение проповедника к своим прихожанам во многом сродни миссионерскому: его задача – обратить их к Христу. В своих речах современные проповедники придерживаются так называемой концепции «равенства свободных индивидов, которая находит свое выражение в риторическом идеале проповеди как свободной непринужденной беседы с равными» (Михальская 1996, 64–67).

Важно отметить, что для речевого жанра характерно особое отношение отправителя и получателя речи, при котором осуществляется преимущественно одностороннее воздействие говорящего на слушающих. Однако это воздействие не ограничивается пределами проповеди, так как оно рассчитано на отклик со стороны прихожан в виде дальнейших размышлений на тему проповеди по ее окончании.

⁴ Аристотель: Сочинения. Т. 2. М., 1978.

3. Форма общения

Преобладание коммуникативных функций сообщения и воздействия над функцией общения определяет и форму речи – она является монологической. В. В. Виноградов по этому поводу отметил, что «ораторская речь – особая форма драматического монолога приспособленного к обстановке общественно-бытового или гражданского “действия”» (Виноградов 1980, 120).

Тем не менее, определение монологичности можно признать верным лишь отчасти. С формальной точки зрения монолог представляет собой речь одного лица, образующую единое высказывание. Однако разделение высказываний на диалогические и монологические условно, так как монолог является лишь частью диалога. Любое общение возможно как обмен высказываниями, т. е. диалог. Всякий говорящий является «в большей или меньшей степени отвечающим: ведь он не первый говорящий, впервые нарушивший вечное молчание вселенной, и он предполагает не только наличие системы того языка, которым он пользуется, но и наличие каких-то предшествующих высказываний своих и чужих, с которыми его данное высказывание вступает в те или иные отношения (опирается на них, полемизирует с ними, просто предполагает их уже известными слушателю). Каждое высказывание – это звено в очень сложно организованной цели других высказываний» (Бахтин 1979, 261).

С другой стороны, современная православная проповедь обнаруживает большое количество приемов диалогизации, то есть композиционно-стилистических приемов («в лекторской речи, состоящей из введения в монологическую речь элементов диалога (реплик, вопросов, прямой речи, цитат и пр.)» (Яковлева 1995, 25), зачастую напоминающей по форме нечто близкое к античной диатрибе, представляя собой диалог в монологе.

«Диатриба – жанр античной литературы, созданный философами-киниками в 3 в. до н.э.; небольшая проповедь на популярную философско-моральную тему, часто в форме дискуссии с воображаемым противником. Отличалась простотой и живостью изложения, образной формой, остроумием. Диатриба проникла в римскую (Гораций, Ювенал) и христианскую литературы, послужила литературной основой христианской гомилии» (Леммерман 1997, 97).

Многие российские лингвисты считают, что проповедь представляет собой «особый вид диалога, в котором аудитория, как правило, должна слушать речь и внимательно молчать. Всю гомилетику можно пред-

ставить себе как, диалог, разделяющий аудиторию во времени» (Рождественский 1997, 305). Словацкий ученый Й. Мистрик так же относит религиозное высказывание к диалогу (Mistrík 1991, 170).

Речь идет о том, что общение не ограничивается проповедью между проповедником и его прихожанами. Таким образом, размышления над сказанным часто приводят слушателей к священнику, и он ведет с ними беседу, исповедует их. Такое понимание диалогичности применительно к проповеди близко к теоретическим осмыслениям М. М. Бахтина. Следует сказать, что традиционная лингвистика рассматривает диалог и монолог как два основных принципа организации коммуникации между проповедником и его прихожанами.

4. Немаловажным экстралингвистическим фактором является авторитет священника среди прихожан, его ораторский талант

В «Слове о церковной проповеди» Протоиерея Александра Шаргунова находим такой пример: «Есть такой семинаристский забавный рассказ: выходит на амвон на воскресной всенощной только что рукоположенный священник. В голове от страха все смешалось, и он повторяет про себя начало проповеди о явлении Господа на озере Тивериадском: „Иду рыбу ловить, – торжественно начинает проповедник и умолкает. – Иду, – прерывающимся голосом продолжает он, – рыбу ловить иду”. И после мучительной паузы в отчаянии восклицает: „Ловить рыбу иду, иду ловить рыбу!” – и больше ничего произнести не может. „В следующий раз, – говорит ему в алтаре архиерей, – прежде чем идти рыбу ловить, не забудь приготовить снасти”».⁵

К проповеди священник должен готовиться (и не только начинающий священник), исключая тем самым возможность провала при проповеди. Кроме теоретической подготовки, священник должен перед проповедью обратиться к Господу Богу. «Молитва перед проповедью – с глубоким осознанием бесплодности своих усилий достучаться хотя бы до одного сердца: мы трудились одну ночь и ничего не поймали – обретает смысл если надежда на спасителя, и только на Него, распространяется на всю нашу жизнь: но по слову Твоему закину сеть (Лк.5,5).

... Успешное распространение учения Господа нашего Иисуса Христа зависит от того, как и что говорим мы в обыденной жизни, как молчим, как слушаем другого человека, как читаем Святое Евангелие. Прежде чем

⁵ Проповеди Московских Священников: М.: Трифонов Печенгский монастырь; «Новая книга»; «Ковчег», 2000. С. 105.

говорить, надо научиться слушать. Первая заповедь – слушай Израиль!» (Втор.4).⁶

Проповедник при построении Слова Божьего постоянно имеет в виду, что именно Его Слово является ведущим. «Всякое наше слово праздно, то есть непонятно человеку сокровенного сердца, если оно не связано с Его Словом или с Его молчанием. В проповеди слово нам не принадлежит – оно на службе у любви, такова специфика веры. ... Надо, чтобы хоть в малой степени совершилось с нами то, о чем говорит апостол Павел: «То, что я проповедую – не от человека, но через откровение Иисуса Христа».⁷

На основании сказанного можно сделать вывод, что целью данной статьи являлось выявление экстралингвистических факторов, характерных для современной православной проповеди. Среди них важнейшими являются: известная «двойственность» лица проповедника (адресанта), заключающаяся в обращении к слушателям не от его имени, а от имени Бога; проповедник выступает, таким образом, в роли посредника между Богом и прихожанами. Проповедник является одновременно и оратором, и слушающим. Его авторское «я» переходит в обобщающее «мы», он мыслит себя в единстве со своими слушателями и вместе с ними обращает свои взоры к Господу Богу. Для проповеди характерна диалогичность, проявляющаяся в многочисленных приемах, используемых оратором.

Литература:

- БАХТИН, М. М.: Эстетика словесного творчества. Москва, 1979.
 ВОЛКОВ, А. А.: Основы русской риторики. Москва, 1996.
 ВИНОГРАДОВ, В. В.: Избранные труды: О языке художественной прозы. Москва, 1980.
 ВОЙТАК, М.: Проявление стандартизации в высказываниях религиозного стиля (на материале литургической молитвы). В сб.: Текст: стереотип и творчество: Межвузовский сборник научных трудов. Пермский ун.-т.- Пермь, 1998, 264с.

⁶ Там же. С. 106.

⁷ Там же. С. 112.

История религии. Учебное пособие. Санкт-Петербург. Изд.-во Лань, 1997, 240 с.

ЛЕММЕРМАН, Х.: Учебник риторики. Москва, 1997.

МИХАЛЬСКАЯ, К.: Русский Сократ. Лекции по сравнительно-исторической риторике. Москва 1996.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Ю. В.: Теория риторики. 1997.

Русская грамматика: В 2 т. Москва: Наука, 1982. 636 с.

ЯКОВЛЕВА, Е. А.: Словарь-минимум по риторике. ВЭГУ. Уфа, 1995.

MISTRÍK, J.: Náboženský štýl. In: Studia Academica Slovaca, 20, 1991.

MISTRÍK, J.: Religiózný štýl. In: Stylistika, Opole, 1992, вып.1.